

По нормам христианского вероучения не всякое убийство считалось законопреступным, – например, не было таковым убийство преступника по правосудию или убийство на войне, в бою. Поэтому князь Глеб в обращении к слугам Святополка просит назвать свою книгу: "если какое зло совершил я, то свидетельствуйте мне, если же крови моей хотите насытиться, то ведь я уже в руках ваших и брата моего, вашего князя". Именно в таком контексте *сырорѣзаниѣ* (конечно, в его символическом смысле!) было бoльшим злодеянием, чем убийство, по бессмысленности, напрасности его.

Примечания

¹ Зверковская Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. М., 1986, 72.

А.К. Матвеев*

ФИННО-УГОРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГОВОРАХ РУССКОГО СЕВЕРА. I

1. Новые данные о коми-зырянских заимствованиях в говорах русского Севера

В своей статье о коми-зырянских заимствованиях в русском языке финский лингвист Я. Калима рассматривает около ста русских диалектных слов¹. Среди них есть как бесспорные заимствования из коми языка, так и слова, неясные по происхождению, но зафиксированные и в коми языке, и в русских народных говорах. Однако в распоряжении Калимы были только словарные источники начала XX в., и поэтому корпус выявленной им русской диалектной лексики, заимствованной из коми языка, ограничен. Кроме того, некоторые этимологии Калимы со временем были отвергнуты или уточнены². Тем не менее именно труд Калимы положил начало изучению русских диалектных заимствований из языка коми.

Лексические заимствования из коми-зырянских диалектов распространились как на запад – в говоры русского Севера, так и на восток – в уральские и сибирские диалекты русского языка, при этом мог происходить перенос заимствований из коми языка русскими переселенцами. Так, слово *виска* 'проток'³, скорее всего, сначала проникло из коми языка в мезенские и пинежские говоры русских, оттуда – в Припечорье, а затем распространилось по Сибири вплоть до Колымы и Камчатки. В то же время могли иметь место и случаи параллельного

* © А.К. Матвеев

(возможно, неоднократного) заимствования одного и того же слова в разные русские говоры, которые контактировали с коми языком. Вообще картина возникает довольно сложная, к тому же усугубляемая трудностями отделения коми-зырянского материала от коми-пермяцкого ввиду большой близости этих языков.

В ходе работы над статьей о заимствованиях из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала⁴ – своего рода дополнением к труду Калимы – у автора складывалось сперва впечатление, что заимствований из коми языка на Урале больше, чем на русском Севере, однако этот факт нашел объяснение в том, что на Урале заимствования собирались целенаправленно, тогда как на русском Севере такая работа стала проводиться позднее.

Хотя Калима выделил ряд заимствованных из коми языка лексем, засвидетельствованных на территории русского Севера (*виска, мег* и др.), в его распоряжении, как уже сказано, был ограниченный и к тому же географически неточно привязанный материал. Поэтому поиск заимствований из языка коми на русском Севере до сих пор актуален, тем более что дискуссия о пермских элементах в субстратной топонимии русского Севера (А.М. Шёгрэн, М. Фасмер, Б.А. Серебренников, А.К. Матвеев) обуславливает повышенный интерес и к лексическим заимствованиям из языка коми. Особенно важны заимствования, зафиксированные в относительной удаленности от таких зон современных и сравнительно недавних коми-русских контактов, как бассейн Мезени, низовья Вашки и Вычегды, т.е. распространенные к западу от этих территорий. Хотя заимствованная лексика может быть очень подвижной в географическом отношении, фиксация коми лексем на русском Севере является дополнительным аргументом в пользу проживания древних коми (летописных пермичей) на восточных окраинах Двинской земли.

Обширные материалы по диалектной лексике, собранные Севернорусской топонимической экспедицией (СТЭ), – а особое внимание при сборе уделялось именно заимствованным словам – позволяют уже сейчас ввести в научный оборот ряд фактов, как уточняющих данные Калимы, так и совершенно новых.

гыч

Зафиксировано Шёгреном в форме *гычь* со значением ‘пескарь’ (Пинеж.)⁵ и в словаре Подвысоцкого в виде *кыч* ‘водящаяся в реках мелкая, вроде пескаря, рыбка’ (Пинеж.) (Подвысоцкий 80). Оба варианта приведены и в СРНГ. Калима не учел данные Шёгрена и поэтому сравнивает под вопросом только *кыч* и коми *гыч* ‘карась’, логично добавляя, что сопоставление ненадежно как из-за несоответствия в анлауте (коми *к* должно передаваться русским *к*, а *г* – русским *г*), так и разницы в значении⁶. Фасмер, несмотря на сомнения Калимы, ссылаясь на него, сравнивает русское *кыч* с коми *гыч* (Фасмер II, 441).

Первое из сомнений Калимы в настоящее время устранено, так как засвидетельствованное Подвысоцким *кыч* явно ошибочно. Во всяком случае, в материалах СТЭ этого слова нет. Напротив, *гыч* в значениях 'пескарь' и 'маленькая рыбка' зафиксировано неоднократно, особенно в деревнях по средней Пинеге, которые территориально ближе всего к коми. Сложнее объяснить сдвиг в значении, но есть по крайней мере два обстоятельства, с которыми надо считаться: во-первых, карась – озерная рыба, но в среднем течении Пинеги озер почти нет, поэтому лексема могла "освободиться" для приобретения другой семантики; во-вторых, в русских народных говорах бытует множество названий пескаря, что, видимо, связано с какими-то экспрессивными моментами.

кэрас

Сложение *вильыс кэрас* 'пахотное поле на возвышенной местности' зафиксировано Подвысоцким в печорских говорах. Оно справедливо связывается Калимой⁷, а вслед за ним Фасмером (Фасмер I, 315) с коми *вильыс* 'верх' и *керос* 'возвышенность, гора'. Сейчас есть и новые факты. В СРНГ приводится печорское *кэрас, кэрос* 'возвышенность, поросшая лесом'. В картотеке СТЭ слово *кэрас* 'гора, поросшая лесом; высокий берег, поросший лесом' фиксируется для русских говоров по верхнему течению Пинеги (В.-Т.) и Верхней Тойме (В.-Т.). Слово это, бесспорно, восходит к коми *керос*, которое, таким образом, проникло и на русский Север. Нелишне при этом заметить, что где-то в районе Верхней Тоймы находился в древности городок *Тоймокары*, упоминаемый Новгородской I летописью под 1219 годом. Название *Тоймокары*, без сомнения, связано с коми *кар* 'город', т.е. означает 'Тоемский городок, Городок на Тойме' (ср. *Сыктывкар* – 'Город на Сыsole', ранее *Усть-Сысольск*).

норта

Слово *норта* 'осиновый челнок-волокуша, в котором охотники по снегу возили припасы', засвидетельствовано в населенных пунктах по Верхней Тойме (В.-Т.). В СРНГ этого слова нет. С учетом качества подударного вокализма (наличие гласного *о* в корне) оно, определенно, восходит к коми *норт* 'нарты', имеющему соответствия в других финно-угорских языках (удм. *нурт*, морд. *нурдо* 'сани'). Островной характер ареала, относительно удаленного от границ с республикой Коми, и специфическая семантика указывают на субстратное происхождение этого слова. Возможно, оно имеет какое-то отношение и к русскому *нарта*, о происхождении которого (славянском или финно-угорском) дискуссия продолжается до сих пор (подробности см. Фасмер III, 45–46).

Из-за малочисленности фиксаций не все ясно со словом *няд* ‘грязь’ (Пинеж.), которое по значению точно соответствует коми *няйт*, *нять* при некоторых фонетических различиях. Не исключено, что сюда же относится *нят* ‘низкий луг у самого берега реки’ (Холм.), но, к сожалению, и это интересное слово было записано только один раз.

норса

Слова *норса* ‘лыжное крепление – кольцо, надеваемое на ногу’ нет в других источниках, кроме картотеки СТЭ. Оно широко распространено в центральной и юго-восточной части Архангельской области (В.-Т., Виногр., К.-Б., Лен., Плес., Уст., Холм., Шенк.). Информанты часто указывают, что *норса* может быть из различного материала – сыромятной кожи, брезента и т.п. и что это слово соответствует по значению широко распространенному на русском Севере слову *юкса*, заимствованному из саамского языка (Фасмер, IV, 529), ср. контексты: *Норсы* у нас *юксами* здесь зовут (В.-Т.); *Норсы* на лыжах – все равно, что *юксы* (В.-Т.); Что *юкса*, что *норса* – все одно (К.-Б.); *Норсу* еще *юксой* называют (Холм.) и т.п. Правда, столь же часто встречаются иные толкования, когда *норса* и *юкса* различаются: Ногу в *норсу* вставляют, *юксой* за пятку прикрепляют (В.-Т.); *Норса* – это просто ремешок на лыже, а *юкса* – два ремешка: один вот так спереди, а второй вокруг пятки (В.-Т.); *Норсы* – они поперек, а *юксы* назад (К.-Б.); Ремешки у лыж *юксы* да *норсы*; *норсы* на носки накладываются, а *юксы* – пряжки застегиваются (К.-Б.). Таким образом, термины *норса* и *юкса* могут иметь одно значение и могут семантически различаться, в этом случае *норса* – ‘переднее крепление; кольцо; петля’.

Этимологически это слово связано с коми *норыс* ‘шнурки, связки для ног (на лыжах)’⁸, *лызь-норыс* ‘петля на лыжах’⁹. В Этимологическом словаре коми языка¹⁰ этого слова нет, но многое проясняется, если обратиться к диалектам коми языка. Во-первых, оказывается, что лузскому и удорскому *норыс* соответствуют вымское *бадь* и удорское (Глотова) *байдь*, имеющие то же значение ‘шнурки, связки для ног (на лыжах)’¹¹; во-вторых, что в коми диалектах у этого слова есть омоним *бадь* (удорское *байдь*) со значением ‘ива; верба’, а также ‘куст, кустарник’¹². Поэтому логично предположить, что коми *норыс* ‘шнурки, связки для ног (на лыжах)’ – семантическая деривация от *норыс* ‘ива; верба; куст, кустарник’, т.е. лыжное крепление могло делаться из подручного материала – ветвей кустарников, что было широко распространено в прошлом у лесных народов, занимающихся зимней охотой¹³. Коми *бадь*, *байдь*, имеющие те же коррелятивные значения ‘ива’ и ‘шнурки, связки для ног (на лыжах)’, явно подтверждают эту версию. В то же время и русские говоры свидетельствуют, что слово

норса первоначально имело значение 'кольцо из виц', ср.: *Норса* только делалась из вицы, а *юкса* из какого-то другого материала (В.-Т.); А раньше у стариков дак не было кожи; из виц делали, коли надо *норсы* сделать (Холм.).

Когда крепления из виц ("виченые") стали выходить из употребления, слово *норса* стало обозначать лыжное кольцо вообще и вступило со словом *юкса* в сложные семантические отношения, зависящие от конкретных экстралингвистических обстоятельств (вида крепления).

Поиск заимствований из коми языка на русском Севере, несомненно, принесет еще много нового, но уже сейчас очевидно, что эти заимствования, как и следовало ожидать, чаще фиксируются на восточных окраинах Архангельской области. Особенно интересно определенное тяготение пермских элементов к бассейну Верхней Тоймы, где, по мнению А.И. Попова, в старину проживало какое-то пермское население¹⁴.

2. *ва́да* и *ва́та*

В СРНГ (4, 11) слово *вада* сперва очень обще толкуется как 'род рыболовной снасти', но затем приводится достаточно подробное описание реалии, составленное М. Поповым¹⁵. Из этого описания следует, что *вада* – разновидность бредня. Слово зафиксировано в Никольском (с. Яхреньга) и Соловычегодском (с. Качем) уездах Вологодской губернии.

В известном труде Я. Калимы о прибалтийско-финских заимствованиях в русском языке и Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера этого слова нет, однако оно анализируется О.В. Востриковым¹⁶, который ссылается на уже приведенные данные СРНГ, а также фиксацию СТЭ (*вада* 'бредень'), относящуюся к Кичменгско-Городецкому району Вологодской области, и сопоставляет слово *вада* с фин. *vata* 'маленький берговой бредень', а также с люд., вепс., эст., ливск. *vada* в том же значении¹⁷. Эта этимология безупречна, но ряд новых фактов не позволяет считать проблему исчерпанной и, в частности, относить слово *вада* к числу лексем с узким географическим распространением¹⁸.

Дело в том, что слово *вада* в значении 'бредень' неоднократно зафиксировано СТЭ на территории Кичменгско-Городецкого района Вологодской области и Верхне-Тоемского района Архангельской области. Лакуна между двумя этими юго-восточными территориями русского Севера заполняется данными Архангельского областного словаря, где *вада* в том же значении отмечено для Котласского района Архангельской области (Арханг. словарь 3, 23). Таким образом, слово *вада* довольно широко распространено на крайнем юго-востоке русского Севера (в населенных пунктах по Югу, Малой Северной Двине, верховьям Северной Двины и их притокам), образуя достаточно компактный ареал.

Но дело не только в этом. От слова *вада* невозможно отделить другую севернорусскую лексему, *вата*, засвидетельствованную в том же значении 'брედень' на смежной с ареалом *вада*, но более западной территории в Вельском и Устьянском районах Архангельской области и в Тарногском районе Вологодской области. Эта лексема столь же убедительно связывается с прибалтийско-финскими данными (фин. *vata*), как и *вада* (люд., вепс., эст., ливск. *vada*)¹⁹.

Поскольку с севернорусское *вата* по лингвогеографическим показателям невозможно связывать прямо с финским-суоми языком, возникает весьма сложная проблема, как интерпретировать оппозицию *вада* – *вата*, которая связана с юго-востоком и центром русского Севера. Фонетически близкие случаи (*пендус* – *пентус* 'заболоченный луг'), имеющие хотя и не тождественные с *вада* – *вата*, значительно более широкие, но примерно так же ориентированные ареалы, указывают на существование зоны заимствований с глухими согласными в интервокальном положении в самом центре территории русского Севера. Более углубленная интерпретация этого явления, однако, пока преждевременна из-за недостаточного количества фактов.

Изолированным остается псковское (Опочка) *вата* 'малая сетка для ловли рыбы' (СРНГ 4, 67). "Псковский областной словарь с историческими данными" приводит только этот же факт с ссылкой на СРНГ (Псков. словарь 3, 36). Скорее всего, псковское *вата* заимствовано из эстонского языка (*vada*), где звуки, обозначаемые буквами *b, d, g*, являются глухими.

3. *ва́йма*

Слово обозначает деревянное крепление – поперечную планку, жердь, балку, клин, которые служат для скрепления дверей, лодок, плотов, столов, саней и т.п.; иногда – сваю, поддерживающую мост; деревянное приспособление, используемое при сбивании досок или для зажима деревянных изделий; выемку в доске или бревне и т.п. В Архангельской области записано в Ленском, Верхне-Тоемском, Коношском, Каргопольском районах, в Вологодской – Вожегодском и Кирилловском. В Лешуконском и Мезенском районах Архангельской области слово выступает в форме *ва́ем*. В "Архангельском областном словаре" зафиксировано *вайма* (Каргопольский район) и *ваем* (Мезенский район) в тех же значениях (Арханг. словарь 3, 24, 27). В словаре Даля приведено архангельское *ваймица* (?) 'обойма для укрепы весла в ключине' (Даль² I, 163).

Соотносится с фин. *vaaja* 'свая; клин', которое имеет параллели в других прибалтийско-финских языках, ср. эст. *vai*, диал. *vaias*. Наличие -м- в русском слове можно объяснить, обратившись к соответствующим саамским данным, ср. кольск. *vāĩva*²⁰, так как м могло возникнуть на русской почве вследствие диссимилиации *в-в > в-м*.

4. *várda*

Это слово, по данным СТЭ, широко распространено на востоке Архангельской области в бассейнах Пинеги (Пинежский и Верхне-Тоемский районы), Кулоя (Пинежский район) и Мезени (Лешуконский район). У него много производных: *várdина*, *várdинка*, *várdочка*, *várdушка*, *várdышок*, *vardюшка*, *vardюшка* и т.п. Основное значение – ‘сосновая жердочка, палочка, лучинка, обычно с круглым сечением (строганный прут), которая служит материалом для изготовления верш, перегородок на реке для ловли рыбы, плетения корзин’. Иногда так называют ивовые прутья, которые используются для тех же целей. Другие значения встречаются реже: ‘тонкая гибкая жердь, которая соединяет переднюю и заднюю ось телеги; вертел для сушки грибов, картошки’. Могли так назвать и худого, тощего человека.

Сюда же относится и колымское *várdина* ‘верхний нащеп нарты’²¹, перенесенное в Восточную Сибирь севернорусскими переселенцами. Слово зафиксировано также в “Архангельском областном словаре” в тех же или близких значениях (Верхне-Тоемский, Лешуконский, Мезенский, Онежский, Пинежский районы) (Арханг. словарь 3, 44–45). В СРНГ (4, 47) находим еще тверское *várda* ‘валек для выколачивания белья при полоскании’.

Слово имеет прозрачную прибалтийско-финскую этимологию, ср. фин. *varras* ‘жердь, жердочка, кольшек, палочка, вертел’ и люд. *vardaz*, вод. *varraz*, эст. *varras*, родит. *varda*²². Отсутствие формата *-as* может объясняться различиями между живыми и некогда существовавшими прибалтийско-финскими языками (ср. ниже *víxlus* и *véxtus*), хотя надо иметь в виду и не учтенную в SKES саамскую параллель *uđđđ* ‘жердь, вертел для сушки рыбы’²³.

5. *viina*

Так в Няндомском районе Архангельской области (Лепшинский сельсовет) называют длинную палку (до трех метров) в ловушке на рябчика. Всю ловушку также могут назвать *viina* или *винное сило*. Палку закрепляют наклонно, а ее конец с петлей и приманкой пригибают к земле. Когда рябчик начинает клевать приманку, палка распрямляется, и рябчик повисает в петле над землей.

Из прибалт.-фин., ср. фин. *viiri* ‘ловушка-силок; рычаг’ и т.п., которому соответствуют карел.-ливв. *viiri*, *vibi*, люд. *bibi*, вепс. *bibi*, *vibi*, вод. *viiri*, эст. *vibu*, *vibo*²⁴.

6. *víxlus* и *véxtus*

В Лешуконском и Мезенском районах Архангельской области СТЭ зафиксировала слово *вихлус*. Чаще всего оно означает толстые жгуты из соломы, которыми обивают для утепления входную дверь, но

отмечены также значения 'небольшая охапка сена (травы)' и 'волосы, собранные на затылке в пучок'. В "Архангельском областном словаре" слово *вихлус* приводится с той же географией и толкованием 'соломенный жгут, служащий прокладкой для утепления входных дверей дома' (Арханг. словарь 4, 111). Здесь же указана собирательная форма *вихлусье*.

Слово *вихлус* может быть сопоставлено с фин. *viikko* 'сноп, пук, пучок, связка, охапка (льна, жита, сена, ветвей, цветов)', карел.-ливв. *viikko* 'пук сена; мочалка; метелка; швабра' и аналогичными данными других прибалтийско-финских языков, ср. люд., вепс., эст. *viikk*, вод. *viikko*²⁵. Возникает, однако, вопрос о нерегулярной замене финского к русским л в слове *вихлус*.

Очевидно, это объясняется нетипичностью для русского языка группы *-хк-*, которая может перерабатываться разными способами. Наиболее обычный из них – диссимилиация *хк > вк*, выявленная в заимствованиях Я. Калимой²⁶, и *хк > хт*²⁷, примеры которой находим в работах В.А. Меркуловой²⁸. Действительно, в Холмогорском районе Архангельской области (д. Гбач) СТЭ фиксирует слово *вѣхтус*, а "Архангельский областной словарь" – как *вѣхтус*, так и *ви́хтус*, с тем же значением, что и *вихлус* (Арханг. словарь 4, 28, 112). Поскольку форма *вѣхтусь* засвидетельствована и в Лешуконском районе, а *вѣхлус* – в Холмогорском (Арханг. словарь 4, 28, 26), можно думать, что процесс освоения этого интересного заимствования русскими еще не завершен и что пока нет полной ареальной дифференциации форм с *-л-* и *-т-*. Параллельное употребление форм с корневыми *е* и *и* также свидетельствует о неустойчивости лексемы (ср. особенно *вихтус* и *вехтус* в одной деревне Гбач). Вообще говоря, прибалтийско-финское *i* иногда передается русским *e*²⁹, но намного более вероятно воздействие со стороны русского *вехоть* (*вихоть*), имеющего то же значение 'соломенный жгут; мочалка и т.п.' (Арханг. словарь 4, 27–28) и восходящего к славянским источникам, ср. *веха*, *вехоть* (Фасмер I, 308). Прибалтийско-финское *viikko*, *viikk* – предположительно германское слово³⁰, однако для близкого по звучанию фин., вод., эст. *vihta* 'веник' как источник усматривается именно славянская основа **вѣхт-* (русс. *вехоть*, *вихоть*)³¹. Все это создает очень сложную картину и большие возможности для контаминаций. Тем не менее специфический формант *-ус* (< **-us*) и колебания консонантизма ясно указывают на иноязычное происхождение лексемы, бытующей в современных русских говорах, какими бы ни были ее первоначальные источники.

Однако усвоение могло пойти и по другому пути, также с диссимилиацией по направлению к переднеязычному, но не взрывному (*хк > хт*), а плавному (*хк > хл*). Это наблюдается в случаях *вихлус*, *вехлус*, когда определенную роль могла сыграть народная этимология и

контаминация с глаголом *вихлять, вихляться* ‘вилять; шевелить; двигать из стороны в сторону и т.п.’ (Арханг. словарь 4, 111), поскольку *вихлус* – скрученный жгут из соломы или другого подобного материала.

Еще один путь усвоения подсказывается возможностью замены плавного бокового на плавный вибрант, т.е. *вехлус* > *вехрус* (Арханг. словарь 4, 16), опять же с возможными народно-этимологическими ассоциациями, например, к *вихорь* ‘вихрь’ (Арханг. словарь 4, 26) с той же семьей ‘крутить, вертеть’.

Таким образом, русский диалектный материал дает целый набор вариантов заимствованной основы (*вихт-, вехт-, вихл-, вехл-, вехр-*) и при этом нет ни одного случая сохранения исходной основы **вихк*, которая бы точно соответствовала прибалтийско-финским данным, что вполне естественно ввиду ее звуковой нетипичности для русского языка.

До сих пор как на лексическом, так и на топонимическом уровне не исследован должным образом вопрос о возможности различного оформления основ в живых и вымерших прибалтийско-финских языках, в частности, о различиях в использовании формативов *-as* и *-us* (> *-ac*, *-uc*). Поэтому пока ограничимся общим принципиальным соображением: в вымерших прибалтийско-финских языках Заволочья могло быть представлено иное по сравнению с современными прибалтийско-финскими языками оформление основ, ср. данные топонимии: *Солмас* и фин. *salmi* ‘пролив’, *Пелтасы* и фин. *pelto* ‘поле’. В сущности, этот взгляд разделял в свое время и Э.А. Тункело³².

Примечания

¹ *Kalima J.* Syrjänsches Lehngut im Russischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. 18. Helsinki, 1927, 1–56.

² Так, например, слово *няша* ‘жидкая грязь’ предпочтительнее связывать не с коми (*Kalima J.* Op. cit., 33–34), а с саамским языком (*Itkonen T.I.* Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedeakatemia Toimituksia. Ser. B. Bd. 27. Helsinki, 1931, 55).

³ *Kalima J.* Op. cit., 19–20.

⁴ *Матвеев А.К.* Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 14, f. 3–4. Budapest, 1964, 285–315.

⁵ *Шёрен А.М.* Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. Т. I. СПб., 1854.

⁶ *Kalima J.* Op. cit., 29–30.

⁷ *Ibid.*, 19.

⁸ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961, 16.

⁹ *Fokos-Fuchs D.R.* Syrjänsches Wörterbuch. Budapest, 1959, 654.

¹⁰ *Лыткин В.И., Гуляев Е.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

¹¹ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 16.

- ¹² Там же, 16, 182.
- ¹³ Ср. у писателя XIX в. П.В. Засодимского в очерке о зырянском крае: "Из ивовой и березовой коры выются очень крепкие веревки, которые здесь повсюду в ходу – при упряжке, на перевозках и т.д." (Лесное царство // В дебрях Севера. Сыктывкар, 1983, 168).
- ¹⁴ Попов А.И. Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965, 57–59.
- ¹⁵ Труды Комиссии по диалектологии русского языка. Вып. 11. Л., 1930, 112–114.
- ¹⁶ Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981, 26.
- ¹⁷ Suomen kielen etymologinen sanakirja. V. Helsinki, 1975, 1585 (далее – SKES).
- ¹⁸ Востриков О.В. Указ. соч., 25.
- ¹⁹ Ср. также карел. (ливв.) *vada* 'небольшой донный невод; бредень' (Словарь карельского языка. Петрозаводск, 1990. 409).
- ²⁰ SKES V, 1572.
- ²¹ Богораз В.Г. Областной словарь колымского наречия // Сб. ОРЯС. Т. 68. № 4. 1901, 29.
- ²² SKES V, 1658.
- ²³ *Itkonen T.I.* Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. Helsinki, 1958, 795.
- ²⁴ SKES VI, 1782.
- ²⁵ *Ibid.* VI, 1736.
- ²⁶ *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV. Helsinki, 1919, 41–42.
- ²⁷ Это может происходить и в самом финском языке, ср. *hiehko* 'телка' и диалектные *hehko*, *hehto* (SKES I, 72).
- ²⁸ Меркулова В.А. К этимологии слова *пихта* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М., 1960, 46–51. Она же. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, 37–38.
- ²⁹ *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter ..., 51.
- ³⁰ SKES VI, 1736.
- ³¹ *Ibid.* VI, 1739.
- ³² *Tunkelo E.A.* Über die Ortsnamen Nordrusslands auf -as // Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. 31, 1-2. Helsinki, 1953, 92–103.

Принятые сокращения названий районов Архангельской области

Виногр.	– Виноградовский	Плес.	– Плесецкий
В.-Т.	– Верхнетоемский	Уст.	– Устьянский
К.-Б.	– Красноборский	Холм.	– Холмогорский
Леп.	– Ленский	Шенк.	– Шенкурский
Пинеж.	– Пинежский		